

Глава 12. Я тоже могу содержать семью

Хо Син кивнул, но ещё не успел ничего ответить, как Мяо Ин уже подался вперёд, одной рукой ухватившись за его раненую руку:

— Как так вышло? Кость не задело?

— Нет, — ответил Хо Син. — Лекарь сказал, нужен покой.

Мяо Ин кивнул и, обернулся к Хо Сяобао:

— Иди с братом домой, а я пойду срежу кочан капусты.

Хо Син повёл Хо Сяобао обратно домой. Увидев перебинтованную руку, Ли Хуньин перепугалась, у бабушки покраснели глаза. Обе они осмотрели его с ног до головы несколько раз, причитая и утирая слёзы от жалости.

— Ничего страшного, лекарь сказал, кость цела, — сухо произнёс Хо Син. Он всегда был немногословен и совершенно не умел утешать старших, потому просто протянул им свободной рукой бумажный свёрток. — Печенье. Поешьте.

Какая уж тут еда. Если Хо Син ранен, значит, в этом году доходов больше не будет. Они-то надеялись, что с пятью лянми, заработанными Мяо Ином, да с теми деньгами, что принесёт Хо Син, удастся спокойно встретить новый год. А в следующем — поднапрячься и пристроить ещё одну комнату: Хо Сяобао уже подрос, ему нельзя больше спать в одной комнате с бабушкой. Но кто же знал, что Хо Син получит такую травму.

В это время Мяо Ин вернулся с огорода, прижимая к себе кочан капусты. Увидев, что все сидят во дворе, он спросил Ли Хуньин:

— Мам, может, сегодня налепим баоцзы? С капустой и шкварками?

Ли Хуньин кивнула:

— Я замешу тесто.

Бабушка же осталась сидеть на месте, глядя на Хо Сина:

— Как ты так сильно умудрился пораниться?

— Несчастный случай, — ответил Хо Син, поднимаясь и садясь у входа к очагу. Хо Сяобао пошёл за ним и сел рядом, прислонившись к нему.

Мяо Ин занялся начинкой. Нашинкованную капусту пересыпали крупной солью, чтобы вышла лишняя влага. Оставшиеся после вытапливания свиного жира шкварки мелко порезали и смешали с отжатой капустой, добавили зелёный лук и имбирь. Начинка была готова.

В доме имелась и белая мука — ту, что доставали только по праздникам. Но сегодня Хо Син был ранен, и Ли Хуньин, в виде редкого исключения, замесила тесто из хорошей муки, решив как следует накормить всех баоцзы.

Мяо Ин начинку-то замешал, но лепить баоцзы он умел плохо: слепленные им изделия напоминали какую-то неведомую живность. Ли Хуньин не дала ему продолжить и отправила того отдыхать. За дело взялась бабушка.

Мяо Ин потянул Хо Сина обратно в комнату и, не церемонясь, стал расстёгивать на нём одежду. Увидев рану на плече, он нахмурился:

— Это не похоже на случайную травму.

Только тогда Хо Син сказал:

— Я спас одного человека.

О десяти лянах серебра он Ли Хунъин и бабушке не рассказывал. В этом была его маленькая корысть. Он хотел отложить несколько лянов для Мяо Ина: нельзя же, чтобы тот, поправившись, ушёл с пустыми руками.

Он вкратце рассказал Мяо Ину, как всё произошло, без подробностей, спокойно и ровно, словно речь шла о том, как он на улице подобрал кочан капусты, а не о смертельной опасности.

— Значит, ты взял эти десять лянов и теперь чувствуешь себя неловко? — Мяо Ин подсел к нему поближе. — Тебе совсем не о чем переживать. Ты сделал доброе дело, а за добро воздается. Ты это заслужил.

— Но...

— Ты же сказал, это был какой-то господин из уездного города? — Мяо Ин хлопнул его по здоровому плечу. — Для таких людей всё, что можно решить деньгами, вообще не считается проблемой. Ты спас ему жизнь, он дал тебе деньги — вот и расчёт. А если бы ты отказался, они бы решили, что ты хочешь от них чего-то другого.

Хо Син, встретившись с его серьёзным взглядом, на миг растерялся:

— Правда?

Мяо Ин спокойно продолжил его успокаивать:

— Всё в порядке. Возьми эти деньги, не надо чувствовать себя обязанным.

Выслушав его, Хо Син почувствовал, как тяжесть в груди немного отпустила. Он молча смотрел на Мяо Ина.

Мяо Ин, неплохо зная его характер, сам заговорил о домашних делах:

— Дома всё нормально. В тот день мы ходили в уезд продавать платки и выручили пять лянов серебра. И ещё... я отчитал твоего отца.

Лицо Хо Сина оживилось:

— Пять лянов?

Мяо Ин гордо расправил грудь:

— Не только ты умеешь зарабатывать. Я и раненый могу приносить деньги! — и он рассказал, что произошло в тот день. — Мама и бабушка слишком долго вышивают, это вредно для глаз. Я решил просто продать сами узоры.

Хо Син кивнул:

— Спасибо тебе.

Мяо Ин приподнял брови:

— Я тоже могу содержать семью. Когда поправлюсь, буду зарабатывать ещё больше.

Хо Син повернул голову и посмотрел на него, заметив, что сегодня на голове у Мяо Ина уже нет лекарственной повязки:

— Ты ещё принимаешь лекарства?

Мяо Ин кивнул:

— Мама посмотрела и сказала, что уже образовалась корочка, так что можно больше не прикладывать мазь.

Хо Син показал ему принесённые лекарства:

— Тут есть эцзяо. В следующий раз, когда будешь варить отвар, можешь добавить.

Мяо Ин покачал головой:

— Я почти выздоровел, мне это ни к чему. Зачем ты вообще купил столько эцзяо?

Хо Син промолчал, но Мяо Ин сам нашёл объяснение:

— У нас раны похожие, в твоём рецепте эцзяо тоже пригодится. Но почему так много?

Видя, что Хо Син всё равно не отвечает, Мяо Ин прикинул, как можно использовать это лекарство:

— Можно подкормить маму и бабушку, укрепить им здоровье.

Хо Син лишь взглянул на него. Прежний Мяо Ин, заполучив такую ценную вещь, непременно забрал бы всё себе. Разве стал бы он думать о матери и бабушке?

— А что вообще с твоим отцом?

Хо Сан когда-то тоже был похож на человека. Когда их семья только обосновалась в деревне, он зарабатывал собственными руками, содержал мать. Когда шла речь о женитьбе, сваха хвалила его за надёжность и трудолюбие, иначе Ли Хунъин за него бы не вышла замуж.

После свадьбы жизнь у них шла ладно, они даже заново отремонтировали дом. Хо Син родился с надеждами всей семьи. Но потом выяснилось, что в детстве он поздно начал учиться, по деревне поползли сплетни, и со временем отец всё больше недолюбливал своего ребёнка.

К тому же Ли Хунъин подорвала здоровье при родах, и несколько лет после этого в семье не было никаких вестей о новом ребёнке. У него в голове начали зарождаться другие мысли. Но жили они и так впроголодь. В деревне никто не брал наложниц, Ли Хунъин была почтительна к свекрови, бережлива, умела вести хозяйство и уже родила сына — придраться было не к чему, даже развестись он не мог.

Однажды он поехал в городок, собираясь снова показать Хо Сина лекарю, вдруг его ещё можно вылечить. Но у входа в один публичный дом он остановился.

А потом всё покатило под откос. Он вытащил из дома все сбережения, лишь бы купить себе несколько мгновений плотского удовольствия. Когда деньги кончились, он начал закладывать вещи, а когда закладывать стало нечего, то занял ростовщические деньги, с ними пошёл играть в азартные игры и по уши увяз в долгах. Когда дальше скрывать уже было невозможно, обо всём узнала Ли Хуньин.

Когда-то добротный дом превратился в развалюху. Как бы бабушка ни била его и ни бранила, он всё твердил, что выкупит ту девицу. Но та, поняв, что с него больше нечего содрать, велела хозяйке больше не пускать его на порог.

Эти ростовщические долги и карточные задолженности Ли Хуньин выплатила, заложив своё приданое. Дом снова опустел и обнищал. Мысль о раздельном житье у неё возникала не раз, но Хо Син был ещё мал: появится мачеха — появится и отчим. Всё, что натворил Хо Сан, она проглотила и стерпела. К счастью, свекровь была мягкого нрава, Хо Син — сыном почтительным, а мужчину она решила считать уже покойником... ну и ладно.

Перед матерью Хо Сан клялся и божился, что больше никогда не будет играть. В последние годы он и правда не прикасался к азартным играм, зато пить стал всё больше и больше.

Хо Син рассказывал без особых красок, но Мяо Ин, слушая, так разозлился, что его прошиб холодный пот. Он-то думал, что старый хрыч всего лишь пьёт, а оказалось натворил такого. Сам Мяо Ин с детства был лишён родственных уз, но за эти дни, проведённые рядом с Ли Хуньин, уже успел принять её как собственную старшую.

— Вот только поправлюсь... и я с ним разберусь, — злобно процедил он.

Хо Син, глядя на то, как у него от злости скрипят зубы, не совсем понимал, что же происходило дома за то время, пока его не было, раз уж Мяо Ин так сблизился с матерью и бабушкой.

Мяо Ин добавил:

— Про деньги всё-таки надо сказать маме. В семье не должно быть тайн.

Хо Син кивнул и вышел из комнаты вслед за ним.

Баоцзы уже стояли на пару. Мяо Ин вспомнил про принесённый эцзяо, снова взглянул на перебинтованную руку Хо Сина и в конце концов достал ту самую курицу.

Оставался последний кусок. Его засолили крупной солью — если не съесть сейчас, пропадёт. За это время он как раз хорошо промариновался, а значит, бульон получится наваристый.

Курицу порубили на куски, промыли, положили в котёл, добавили костяной отруб, эцзяо и ломтики имбиря, а затем поставили тушиться. Под конец бросили редьку — говорят, зимой редька не хуже женшенья. Получился настоящий укрепляющий здоровье суп.

Редко выпадал такой сытный обед. Хо Сан ушёл из дома, и Мяо Ин сразу повеселел: вся эта еда была приготовлена не для отбросов.

Баоцзы с капустой и шкварками блестели от жира, аромат речного куриного супа стелился

по всему двору. Даже Хо Син, обычно не привередливый к еде, почувствовал, как сводит желудок от голода.

Хо Сяобао хуже всех умел скрывать свои чувства: едва вымыв руки, он уже вцепился в баоцзы. Мяо Ин разлил куриный суп двум старшим:

— Мам, бабушка, ешьте побольше. Я эцзяо добавил, для здоровья полезно.

— И ты тоже ешь, — Ли Хунъин налила ему миску. — Ты же ещё не поправился.

Мяо Ин не стал отказываться и тут же налил миску Хо Сину:

— Ешь. Тебе тоже надо подкрепиться.

Глядя на эту семью — старых, слабых, больных, — Мяо Ин почувствовал, как тяжесть на его плечах стала куда ощутимее. Он взял баоцзы и начал есть, впервые по-настоящему осознав, что значит жить без мяса и жира: огромный баоцзы исчез всего за четыре укуса.

Доедая, он пнул Хо Сина ногой по бедру, давая знак рассказать старшим о деньгах.

Хо Син кивнул, снова пересказал историю своего ранения и упомянул о десяти лянх серебра.

На душе у Ли Хунъин было беспокойно. Эти десять лянов были куплены ценой раны сына. По сравнению с деньгами ей куда больше хотелось, чтобы Хо Син был цел и здоров.

Хо Син протянул серебро Ли Хунъин, но та оттолкнула его обратно:

— Если положить у меня в комнате, твой отец украдёт. Деньги, что раньше заработал Мяо Ин, он тоже держит у себя.

Хо Син обернулся к Мяо Ину. Удивление в его глазах было неподдельным.

Мяо Ин улыбнулся ему, а затем посмотрел на Ли Хунъин:

— Мам, а сколько ещё до нового года? — с тех пор как он сюда попал, он так и не знал, какое сегодня число. Понимал лишь, что зима и холодно.

— Через несколько дней будет Лаба, — ответила бабушка.

Мяо Ин кивнул:

— Значит, пора готовить новогодние покупки. Мы ведь только что деньги заработали, а надо и новую одежду сшить. У Хо Сяобао штаны уже столько раз зашивали, да и маме с бабушкой пора обновки.

Ли Хунъин посмотрела на него:

— Зачем новая одежда? В прошлом году же шили.

Мяо Ин махнул рукой:

— Прошлый год — это прошлый год. Новый год — значит, новая одежда.

Бабушка тоже возразила:

— Сшейте Хо Сяобао, нам не нужно.

Но Мяо Ин и слушать не стал:

— Деньги зарабатывают, чтобы их тратить. Чего их беречь? Потом ещё больше заработаем. — Он дёрнул Хо Сина за рукав и сам всё решил: — Завтра поедem в уезд, закупать новогодние припасы.

<http://bllate.org/book/16099/1502891>